

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Вприпрыжку
за смертью*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
ЕО ВГЕНИЯ
ХОТНИКОВА

Марина Сергеевна Серова
Пятница, тринадцатое
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166885

Вприпрыжку за смертью. Пятница, тринадцатое: Эксмо; М.: 2005

ISBN 5-04-002579-3

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	26
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Марина Серова

Пятница, тринадцатое

Глава 1

Понедельник, 16 сентября

– Ну и что, пусть даже и убийство! – нагло заявила я. – Мне-то какое дело?

– В принципе вы правы... – не очень уверенно проговорил мой собеседник. – Но... но нам хотелось бы знать и вашу точку зрения.

– Моя точка зрения – вот, – ткнула я пальцем в окно, – то, что у меня перед глазами в буквальном смысле. Озеро да лесочек. А все остальное я предпочитаю видеть исключительно в рабочее время. И потом, расследование убийств – это не моя специальность.

– А никто и не говорит о расследовании, – тут же подхватил мои слова собеседник. – Давайте назовем это как-нибудь по-другому.

Наша беседа длилась уже полчаса и изрядно начала мне поднадоедать. Но я чувствовала, что просто так отбиться от чересчур назойливых предложений мне не удастся. Слишком велико было желание господина Михайленко впрямь меня в чужую повозку, да еще во время моего законного отпус-

ка.

И зачем только черт понес меня сюда? Махнула бы лучше на какой-нибудь отдаленный островок вроде Тенерифе или Мадагаскара, где меня ни одна собака не знает, и нежилась бы себе на песочке.

Так нет же! Поманили меня полосатые родные березки на свою голову!

Теперь вот расплачивайся, Женя Охотникова, как знаешь, и винить тут некого.

– Почему, Женя, там, где вы появляетесь, непременно что-нибудь происходит? – хитро прищурившись, спросил меня Михайленко.

– Вы путаете причину со следствием, – нехотя пояснила я. – Просто обстоятельства, которые вы так скромно обозначили как «что-нибудь происходит», заложены в мое появление. Я появляюсь где-либо именно потому, что там что-то может произойти. И за это мне платят деньги.

Я повернулась к Михайленко и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Вы-то ведь мне не заплатите, правда? – ехидно поинтересовалась я.

– Естественно! – нагло кивнул он. – Нельзя же быть такой меркантильной.

– Можно, – буркнула я себе под нос. – Вы, судя по костюмчику, не бедствуете.

Михайленко придирчиво оглядел свой новенький пиджак

и смахнул с рукава приставшую пылинку – в номере еще не проводилась утренняя уборка.

Впрочем, если бы информация о том, что произошло здесь сегодня утром, просочилась наружу, работникам пансионата вообще не пришлось бы убирать номера – все постояльцы мгновенно бы съехали.

Кому охота отдыхать в санаториях, где хладнокровно убивают людей?!

Глава 2

Пятница, 13 сентября

Все. Я больше не могу. Не могу и не хочу. Не хочу и не буду.

Эта логическая цепочка показалась мне вполне убедительной. В конце концов, я тоже человек, а не машина, и имею право на отдых. Даже роботы проходят профилактику, во время которой им что-то там внутри подправляют и обновляют. А я уже третий год без отпуска.

И поскольку никто, кроме меня, мне его не предоставит, то...

То почему бы и нет?!

«Слава богу, мы живем не в Америке, – зачем-то повторяла я вслух, упаковывая вещи в дорожную сумку. – В том смысле, что никакого начальства над душой не висит и коллеги-трудоголики косо не посмотрят. Хочу – работаю, хочу – отдыхаю».

Мой взгляд упал на видеомагнитофон и кучу кассет, возвышающуюся возле «Панасоника».

«И от этого тоже надо отдохнуть, – твердо сказала я себе. – Ты становишься зомби, Женечка. Днем – работа, вечером – фильм по видику, вот и вся твоя жизнь. И так уже не первый год».

Впрочем, если взять в качестве примера мою тетюшку Ми-

лу, то ее такое размеренное и упорядоченное существование вполне устраивало.

Вот только на работу она уже не ходила, так как была на пенсии, а вместо видеоряда перед ней ежевечерне раскрывался новый том детективного романа, обещая новую порцию книжного наркотика.

Действительно, в этом есть что-то общее. Человек на некоторое время полностью выключается из реальности, и на пару-тройку часов ему обеспечено увлекательное путешествие в иной мир.

У меня что-то подобное намечалось с видео, – кассеты летели одна за другой, – хотя в отличие от моей дорогой тетушки я продолжала себя контролировать. Ведь если выдавался ужасный вечер, когда у нее под рукой не было нового романа, тетушка испытывала самую настоящую ломку. И начиналось такое!

Милое и доброе существо превращалось... ну не то чтобы в фурию, но в свою прямую противоположность. Мила слонялась из угла в угол и поносила погоду, правительство, докторов и соседей на чем свет стоит.

С трудом выдержав пару таких вечеров, я предусмотрительно стала делать запасы «криминального чтения», предвидя возможное оскудение тетушкиных закровов. Наверное, точно так же в семьях запойных алкоголиков всегда есть спрятанная на черный день бутылочка...

Я бросила взгляд в угол, где лежала нераспакованная пач-

ка книг из серии «Кровавый след», полученная мной вчера по почте. Пожалуй, на две недели этого хватит, и я могу уезжать со спокойной совестью.

Уезжать...

Черт, а я ведь еще даже и не решила, куда собираюсь отправиться!

Кризис, говорите? Ну и что? Можно подумать, первый или последний раз!

Сбережения, говорите? Да, проблемы есть. Но в отличие от сограждан, слепо веривших тому или иному банку (даже наверняка не самому банку, а роскошным зданиям и мраморным колоннам их офисов), я всегда кое-что откладывала «в чулок». Проценты – процентами, но и неприкосновенный запас наличности дома не помешает.

Так что деньги у меня имелись.

В принципе я могла бы раскрутить глобус, будь он у меня под рукой, и с закрытыми глазами кинуть в него стрелку с заостренным концом из игры «Дартс». Ведь по деньгам в настоящее время я не могла бы себе позволить разве что полет на Луну.

Обзвонив несколько туристических фирм, я задумалась. Конечно, выбор был огромен. Конечно, я могла бы поехать в любую точку земного шара.

Но... но пришлось бы немного подождать. Как минимум неделю.

Дело в том, что фирмы эти закрывались одна за другой

– на дворе дефолт, реструктуризация ГКО, кризис неплатежей и свободное падение рубля – очевидно, к центру Земли с ускорением девять целых восемь десятых метра в секунду.

А я хотела именно сейчас. «Сейчас» же было возможно только на территории РФ.

Почему бы и нет? Почему надо ехать именно за границу? Я даже в принципе не особо хочу и на море. Меня вполне устроит тихий отдых где-нибудь поблизости, недалеко от города. Ну, например, в каком-нибудь пансионате или доме отдыха. А что, это идея!

И вот через полчаса я получала на руки путевку в санаторий «Отрада». Заселяться я могла бы уже сегодня – меня ждал одноместный двухкомнатный люкс в главном корпусе.

Я решила не откладывать путешествие и, благо сумка уже была собрана, кинула ее в свой «Фольксваген»-жук и отправилась прочь из города.

Местечко было выбрано на славу – старый дом отдыха недавно перестроили, подогнав внутренность и наружную отделку корпусов к более-менее европейским стандартам. Цены были подняты раз в десять, но отдыхающий народ по-прежнему оказывал внимание санаторию, и помещения не пустовали ни летом, ни зимой.

А сейчас у нас стояли теплые сентябрьские денечки, изнуряющая жара уже спала, но холода еще не наступили – в общем, благодать, да и только.

В первый день моего пребывания в «Отраде» я начала ду-

мать, что урвала-таки себе кусочек этой благодати. Удивительно, но я смогла очень быстро переключиться с нервного городского режима на замедленный ритм жизни пансионата и теперь кайфовала, предвкушая еще целых девять дней такого же блаженного ничегонеделания – «дольче фар ниенте», как говорят итальянцы, которые с давних времен – и как никто – понимают толк в отдыхе.

Впрочем, не подумайте, ради бога, будто я только и делала, что дрыхла круглые сутки у себя в номере. Я, разумеется, не оставляла свои гимнастические упражнения, каждый день купалась в озере, несмотря на температуру воды плюс шестнадцать, и совершала ежеутренние двухкилометровые пробежки по сосновому лесу.

Лес был расположен в северной части санатория и тянулся на километр-полтора, заканчиваясь бывшими колхозными владениями – обширными полями, на которых теперь теснились двух- и трехэтажные особняки новых хозяев жизни; колхозные же строения, располагавшиеся неподалеку, превратились в продовольственные и промтоварные магазинчики, обслуживающие жителей этого микрорайона.

А с юга змеилась узкая тропа, которая через двадцать минут неспешной ходьбы приводила к загнутому подковой озеру с пляжем и лодочной станцией. Купаться народ уже не решался, в отличие от меня, и предпочитал сидеть в шезлонгах и смотреть на воду, потягивая из высоких пластмассовых стаканов пиво местного розлива.

Конечно, меня пытались «клеить», а как же без этого? Пару раз на пляже, трижды – на территории пансионата, во время вечерних прогулок.

Но делалось это как-то вяло, без особой инициативы, с ленцой. Когда мужик одновременно пытается хлебать свое пиво и говорить тебе избитые комплименты – это не впечатляет. А если и производит впечатление, то скорее резко отрицательное.

– Вам не холодно? Хотите погреться? Вы, наверное, спортсменка?

Трижды оброненное мною «нет» сбивало весь напор. Пиво для ухажера оказывалось гораздо важнее нового знакомства, по крайней мере, оно не говорило ему «нет»...

Корпус, в котором я поселилась, стоял несколько на отшибе и в советские времена явно считался привилегированным – наверное, сюда селили больших шишек, которым вздумалось отдохнуть на родных просторах.

Мой двухкомнатный люкс располагался на третьем этаже здания. Все оно было практически заселено, и с соседями я по три раза в день встречалась в столовой, находившейся в этом же помещении.

Все прочие отдыхающие пользовались общей столовой, расположенной в самом центре пансионата. В назначенное время к центральному корпусу со стеклянной крышей быстро стекался изголодавшийся народ, и несчастный отдыхающий, опоздавший больше чем на час, получал в лучшем слу-

чае нагоняй от поварих и свой остывший обед. В худшем случае оставался голодным.

А мы, жильцы корпуса номер один, могли вкушать пищу в любое удобное для нас время и даже заказывать обеды, завтраки и ужины в номера.

Соседи, как мне показалось сначала, оказались очень милыми и симпатичными людьми. Я, честно говоря, немного побаивалась, что мое окружение окажется, что называется, «типичными отдыхающими», но времена, видимо, изменились, и тот традиционный контингент, что населял пансионаты в советские времена, то ли куда-то переместился, то ли претерпел необратимые внутренние изменения.

Раньше ведь как было? Пьянки да блядки – вот и весь отдых. Ну на лодочке покататься, ну грибочков собрать. Танцплощадка опять же.

А сейчас все чинно. Если кто и пил – то под сосенками не валялся, романы если и завязывались, то не под ближайшим кустом. А что касается танцплощадки, то она была переоборудована в крытое помещение для дискотек с присовокуплением зала игровых автоматов.

Конечно, финансовый фактор сыграл тут не последнюю роль. Цена за две недели отдыха в двадцать раз перекрывала минимальную месячную зарплату и, само собой, была уже не по карману простым смертным.

Впрочем, каков бы ни был статус моих соседей по корпусу, вели они себя достаточно скромно и прилично. Кроме

разве что семейной пары, обитавшей на втором этаже. Если вспомнить анекдоты про «новых русских», то начинало казаться, что их герои – рядом со мной.

Чета Волковых представляла собой довольно анекдотический симбиоз. Семен Александрович – стриженный под бобрик толстяк – ходил вразвалку и то и дело «качал права», как будто насмотревшись под завязку телепередачи «Впрок». Казалось, что отдых для него заключается именно в этом постоянном давлении на окружающих.

Его супруга Милена – тридцатилетняя крашеная брюнетка – была тихим и забитым существом. Она не перечила супругу в отстаивании им своих прав отдыхающего, но предпочитала не вступать в разборки, которые он то и дело пырвался устраивать.

– Почему мне принесли полуостывшую цветную капусту?! – доносился до моего балкона крик Волкова со второго этажа. – У вас что, печка отказала?

Разносившая пищу работница пыталась оправдываться и что-то такое говорила про загруженность поваров. Но Волков не унимался.

– А при чем тут я?! – резонно задавался он вопросом. – Я приехал сюда отдыхать. А значит, все должно быть тип-топ, разве нет?

Работница не находила возражений. Тогда удовлетворенный Волков требовал:

– Коменданта сюда!

Приходила старушка, которая управляла корпусом, и, выслушав очередную порцию брани, извинялась перед привередливым клиентом.

«Чего он тогда тут торчит, если все так плохо? – удивлялась я. – Ехал бы на Галапагосские острова, там бы его персонал на руках носил».

Но, очевидно, вкусивший прелестей западного сервиса, господин Волков намеревался личным примером воспитать коллектив пансионата и добиться уважительного к себе отношения любой ценой.

Рядом с неугомонными Волковыми на втором этаже обитала еще одна семейная пара. Контраст, что и говорить, был потрясающим.

Двухкомнатную секцию занимала чета Капустиных с ребенком, они въехали в тот же день, что и я, только с утра. Муж и жена были почти «невидимками» и большую часть времени отсутствовали в номере, предаваясь активному отдыху на все сто процентов.

Казалось, Капустины всем довольны и счастливы – их исполненные покоем лица рядом с хмурым Волковым и его затюканной женой были лучшей рекламой душевного здоровья и адекватного отношения к окружающим.

Единственный источник шума, который исходил из их номера, – сын Капустиных Вячик. Этот двенадцатилетний мальчишка не находил себе места в тихом и уютном пансионате и постоянно стремился к новым впечатлениям.

А на моем этаже находилось еще три номера. Соседи подобрались достаточно приличные и интеллигентные – молодой светловолосый человек, который жил в двухкомнатном номере, печальный майор со смешной фамилией Голубец и строгая сосредоточенная дама лет сорока.

Первый этаж занимала столовая, огромный холл, библиотека, комната, в которой жила старушка комендантша, и еще один пустовавший номер.

Вся эта леденящая кровь история началась в тот день, когда в корпус въехал еще один постоялец – пожилой седовласый человек.

Такси, которое привезло гостя, остановилось возле центрального входа в корпус. Водитель распахнул дверь автомобиля и помог выйти приехавшему. Мужчина с трудом выбрался из салона и, пока пыхтящий от натуги шофер вынимал из багажника его тяжеленный чемодан, стоял, опершись на открытую дверцу – видимо, пассажира слегка укачало за время дороги до пансионата.

Он поселился на первом этаже и, несмотря на то, что столовая была расположена в двух шагах от его двери, редко выходил к общим трапезам. Ему носили еду в номер, откуда по вечерам раздавался стук пишущей машинки. Я про себя прозвала старичка «профессором».

В первый же день моего приезда я смогла увидеть всех постояльцев корпуса за ужином. Подавали какой-то умопомрачительно вкусный салат из мидий и морских гребешков

вперемешку с солеными огурчиками.

Народ сосредоточенно жевал под стук пишущей машинки, глухо раздававшийся из-за стены. Я сидела за столом с молодым человеком и военным, которые жили на одном этаже со мной. Два стула пустовали.

– Антонина Платоновна скоро подойдет. Ее номер рядом с вашим. Может быть, видели ее в читальне? Такая статная строгая дама, похожая на учительницу... А моя жена должна подъехать завтра, – пояснил белокурый мужчина в легком сером свитере, поймав мой взгляд. – Вера задерживается на работе, у нее очередной аврал с отчетом, и ее обещали отпустить утром. С первым же автобусом она присоединится ко мне.

– Ваша супруга бухгалтер? – поинтересовалась я у соседа.

– Угу, – кивнул он, подцепив вилочкой непослушное тельце мидии.

– Считать чужие деньги – неблагодарное занятие, – проговорил военный.

– Вы полагаете?

Завязался беспредметный вялый спор между Артемом Погодиным – так звали ожидавшего супругу молодого человека – и майором Голубцом.

– В такие времена, как наше, – сетовал майор, – нужно быть очень уверенным в себе человеком, когда приходится работать с чужими деньгами. Слишком велик бывает соблазн. Вы почитайте газеты...

– Работа как работа, – пожал плечами Погодин. – А деньги – они ведь на бумаге. Отчетность и все такое. Она же не кассир...

Майор тяжело вздохнул.

– Когда получаешь микроскопическую пенсию, вот как я, например, читать, что люди ворочают миллиардами, как-то противно...

– Да вам-то что за дело до их миллиардов? – с улыбкой спросил Погодин.

– Вам этого не понять, молодой человек, – обиженно отозвался майор. – Я двадцать лет проработал на это государство, и что же я имею в результате? Шиш с маслом! А кое-кто...

– Однако вы отдыхаете в дорогом санатории, – возразил ему Артем. – Да и, судя по вашему внешнему виду, не скажешь, что вы бедствуете или недоедаете. Подложить вам еще салатика?

Военный хотел было что-то возразить, но Артем уже наполнил его тарелку очередной порцией «морской карусели» и поднял бокал с белым вином.

– За отдых!

Майор тост поддержал, вино выпил, но все время ужина оставался по-прежнему грустным. Он напоминал мне ослика Иа из сказки про Винни-Пуха – такой мизантропический взгляд на мир при, казалось бы, внешнем благополучии не редкость в наши времена.

Впрочем, как шепнул мне на ухо Артем, у майора были причины предаваться унынию.

— Наш сосед недавно овдовел, — поведал мне Погодин. — Очень скорбит, приехал сюда немного развеяться и остыть от грустных мыслей.

— А-а, вот как... — сочувственно кивнула я. — Тогда все понятно.

— А мне непонятно! — раздался негодующий голос Волкова из-за соседнего столика. — Мне непонятно, почему в меню прописан лангет с грибами, а вы приносите нам обыкновенную отбивную!

— Но... — возражала пожилая разносчица, — но в меню сказано, что мы можем заменять блюдо в том случае, если клиент не находится на специальной диете. У вас в карточке нет такого показания и...

— Заранее надо предупреждать! — ворчал Волков. — Я уже настроился на лангет. А что касается диеты, то не исключено, что от вашей кухни у меня скоро начнется несварение желудка!

Его жена, сидевшая рядом, беспомощно посмотрела на Волкова и положила ему на руку свою ладонь. Лицо женщины выражало какую-то нечеловеческую усталость. Она попыталась урезонить мужа.

— Сема, ведь мы приехали сюда отдохнуть, правда? Ну стоит ли тратить свои нервы по пустякам? Я хочу, чтобы ты за эти десять дней отдохнул, набрался сил и вернулся к работе

посвежившим...

– К работе... – мрачно фыркнул Волков. – Что ты понимаешь в моей работе, Милена?

– Кое-что понимаю, Сема, – тихо сказала она. – И, возможно, больше, чем ты думаешь.

– Вот я и хочу отдохнуть по-людски! – рявкнул на нее Волков.

– Все-все, молчу...

Бумс!

Это полетела на пол ложечка, которую Вячик – так звали сына четы Капустиных – использовал в качестве рычага для запуска мидий в направлении собственного рта. Угол был выбран неверный, и серебряный прибор вместе с его содержимым оказался под столом.

– Дора! – укоризненно посмотрел на свою супругу Максим Капустин. – Он у тебя совсем распустился! Как так можно, солнышко?

– Весь в папу, – с улыбкой мгновенно парировала Дора, вытирая масляные брызги со своей блузки. – А как ты хотел, дорогой? Надо почаще бывать дома. Думаешь, я могу за всем уследить?

– Я знаю, что ты это можешь, – ласково ответил ей Максим. – Вячик, конечно, резвый мальчуган, но... но не за столом же...

– Ты прав, – спокойно согласилась Дора. – Давай поговорим об этом после ужина.

– Хорошо, – так же спокойно согласился Максим. – Что с твоей блузкой?

– Боюсь, что это не отстирается, – развела руками Дора.

– Жалко, она тебе очень идет, – покачал головой Максим и почему-то вдруг улыбнулся. – Неужели придется выбросить?

– Да, – сокрушенно ответила Дора. – Такая жалость, просто слов нет...

И, заметив улыбку мужа, вдруг тоже рассмеялась, прыснув в кулак.

«Какая странная реакция! – отметила я про себя. – Во-первых, что смешного в том, что испорчена вещь? И, во-вторых, почему Капустин делает замечания за поведение сына жене, а не самому Вячику?»

А младший Капустин даже не обратил внимания на собиравшиеся было над его двухмакушечной головенкой тучи. Теперь он жадно набросился на десерт, заявив, что мясом он в этом пансионате сыт по горло, а вот сладостей тут явно маловато.

Но Максим вдруг посерьезнел. Его внимание привлек человек, появившийся в дверях столовой. Выражение лица Капустина было крайне удивленным, он даже приоткрыл рот, как будто перед ним возник призрак.

Но это была лишь всего женщина. Зато какая! Хоть сейчас в американский сериал про скучающих миллиардеров балзаковского возраста.

– Прошу извинить меня за опоздание, – раздался неверо-

ятно томный голос подошедшей к нашему столику Антонины Платоновны. – Я читала журналы и так увлеклась, что задержала закрытие библиотеки на пятнадцать минут. Бедняжка Белла сказала, что ей не хотелось меня тревожить, а сама она чуть не опоздала на ужин.

Поведение библиотекари Беллы вовсе не показалось мне удивительным.

Рядом с такими женщинами, как Антонина Меньшикова, мужчины обычно распрямляли спины и искали случая продемонстрировать лучшие свои качества, а женщины – те, что послабее духом, – сразу стушевывались. Красота ее была неброской, но какой-то стильной, может быть, даже несколько чересчур...

– Прощу вас, – майор вскочил со своего места и отодвинул для Меньшиковой стул.

– Спасибо, – подарив ему удивленно-благодарный взгляд, ответила Антонина Платоновна и с лебединой грацией усеялась за стол.

За все время ужина она не произнесла ни слова, только изредка поднимала глаза, чтобы быстро и внимательно посмотреть на кого-нибудь из присутствующих. Затем снова опускала взор в тарелку и предавалась созерцанию мидий или розовых волокон отбивной.

Ела она не торопясь, очень церемонно и аккуратно, нарезаая пищу малюсенькими кусочками. Майор вежливо обращался к ней время от времени, предлагая специи или вино,

но Антонина Платоновна так и не удостоила его больше ни одним словом – только кивала головой либо едва качала ею из стороны в сторону.

– Из-за таких раньше стрелялись, – кивнул мне Артем в сторону уходящей к себе после трапезы Антонины Платоновны. – Роковая женщина!

– Пожалуй, вы правы, – согласилась я. – У нее такое выражение лица, как будто она только что окончила пансион для благородных девиц. Интересно, чем она занимается?

– Загадка! – пожал плечами Артем. – Но, судя по тому, что у нее надето на пальчиках, наша соседка не из бедных. Довольно крупный рубин, вы обратили внимание? Да и сережки очень ажурной работы.

От меня не укрылось, что майор пристально смотрел вслед Меньшиковой. Его лицо было очень сосредоточенно, выражало решимость и вместе с тем какую-то не совсем уместную деловитость.

– Похоже, наш вояка запал на аристократку, – пошутил Погодин, когда Голубец направился в холл и уселся в кресло возле аквариума.

– Совет да любовь, – рассеянно проговорила я, прихлебывая кофе.

– А какое сегодня число? – раздался звонкий голосок Славика Капустина.

– Тринадцатое, – ответила ему мама. – Тринадцатое сентября.

– У-у! – поежился Славик. – Да еще и пятница! Мертвецы из гробов вылезать будут?

– Обязательно будут, – засмеялся старший Капустин. – И отнимут у тебя эклер, если ты его не доешь за пять минут. Время пошло.

Славик выпучил глаза и впился зубами в пирожное, которое умял за несколько секунд.

– Мальчик не в школе? – с улыбкой кивнула я на Славика, когда наши с Дорой взгляды встретились. – Решили устроить отдых?

– Да, знаете ли, – участливо ответила мне Дора. – У детей сейчас такие нагрузки. А наш вроде успевает по всем пред-метам.

– А тут путевка подвернулась, – встрял ее супруг. – Ну мы и решили, раз уж все так совпало, отдохнуть всем вместе...

– Мертвецы-ы! – соскочил со стула Славик и с диким криком понесся по темному коридору к лестнице. – Мертвецы встают из могил!!

Дверь номера, в котором остановился профессор, отворилась, и в проеме показалась увенчанная сединами голова постояльца.

Старичок с тяжелым вздохом проводил глазами улепечивающего Славика, удрученно покачал головой и снова скрылся в своем обиталище.

Капустин же лишь улыбался, глядя вслед непослушному чаду, но мне показалось, что его улыбка была несколько вы-

мученной.

Не исключено, что Максим уже начал слегка уставать от совместного отдыха...

Глава 3

Понедельник, 16 сентября

Михайленко был не прав. Обычно мое присутствие диктовалось именно возможностью непредвиденных происшествий. И меня нанимали для того, чтобы этих происшествий не случилось.

А уж если они все же происходили, то в мои функции входило устранение их последствий.

Казалось бы, сугубо четкие обязанности, не правда ли? Но мало-помалу они начали как бы «размываться», и я принимала на себя не свойственные мне поначалу обязательства. А дальше – больше.

Если сейчас вспомнить, как все начиналось, то становится просто смешно.

Когда я, перебравшись из столицы, осела в городе, где проживала моя тетушка, то первое время давала уроки английского.

Впрочем, это продолжалось совсем недолго. Вскоре возникла одна неприятная ситуация, в которой мне пришлось применить приемы, усвоенные мной за время пятилетнего обучения в спецшколе разведки. Этот факт не остался без внимания, и вскоре мне представилась возможность поработать телохранителем.

Потом к этому приплюсовалось сопровождение грузов.

Затем обстоятельства сложились так, что я не могла не вмешаться в одну ситуацию – из разряда тех, которые имел в виду Михайленко, – и сумела проявить еще кое-какие свои полезные качества.

И вот я уже не только сопровождаю грузы и охраняю живые тела, но и работаю частным детективом – выполняю сугубо конфиденциальные поручения весьма и весьма личного свойства. Впрочем, все три направления моей работы подчас пересекаются, и тогда я беру тройной тариф.

А Михайленко мне действительно не заплатит, даже если бы захотел. Ведь он состоит на государственной службе, а в спецотделе УВД, занимающемся расследованием особо опасных убийств, не было фондов для «оплаты услуг частных лиц».

Михайленко являлся в этом отделе весьма влиятельной фигурой, имел прямой выход на самую верхушку администрации и обладал солидными полномочиями. Я познакомилась с этим человеком, когда работала на Пыжова, делавшего бизнес на транспортировке цветных металлов в областной центр. Однажды Пыжову позвонили и предупредили, что на автомобиль, который повезет из города в район деньги, готовится нападение. Пыжов был в шоке – информация о дате выезда машины хранилась в строгой тайне, и он стал подозревать утечку информации от кого-то из своего окружения.

Бизнесмен решил перехитрить предателя. Пыжов навел справки в городе, выяснил, что я – подходящая кандидатура,

и нанял меня для охраны.

Пыжов сообщил своему коллеге, что изменил дату выезда машины. Автомобиль поехал пустым, деньги остались в городе, а вместо сумки с наличными в фургоне сидела я и ждала нападающих.

Коммерсант рассчитал все как надо, и нам удалось не только отбить нападение, но и вычислить человека, который поставлял информацию криминальным группировкам. Так что у Пыжова я была на хорошем счету, и когда он в приватной беседе узнал от Михайленко о чрезвычайном происшествии в пансионате «Отрада», – к тому времени он уже оставил бизнес и перешел на службу в органах, – то, просмотрев список отдыхающих, который показал ему Михайленко, сразу же ткнул пальцем в мою фамилию и сказал:

– Обратитесь к ней. Охотникова может все. Если захочет, конечно...

Вопрос был в том, что я не хотела. Ну никак не хотела в отпускное время заниматься расследованием. Но Михайленко тоже был не лыком шит.

Он прекрасно знал, что я не стану сидеть здесь сложа руки, когда произошло ТАКОЕ!

Нет, не то чтобы Михайленко взял меня «на слабо», отнюдь. Просто...

Просто я решила немного расширить свою квалификацию. Создать для себя, так сказать, «новый уровень компетентности». А именно – впервые произвести самостоятель-

ное расследование преступления.

Я подумала – почему бы, Женя, тебе не воспользоваться возможностью, которую предоставляет судьба? Ведь это – вызов, а меня учили, что нужно принимать любой вызов и быть на высоте.

Более того, можно было воспринимать это в качестве учебы на курсах, за которую не надо платить. Любой практикант просто мечтал бы о такой ситуации!

Частный детектив... Что сегодня понимается под этим заманчиво звучащим определением?

Смею заверить – совсем не то, что мы привыкли встречать в книгах столь читаемых и почитаемых моей тетушкой западных авторов.

Ну, во-первых, никакой серьезной работой тут за версту не пахнет.

Так, одна мелочевка... Неверные мужья и жены, слежка за «изменщиками», фотографирование и прочая лабуда. Одним словом, рутина.

Ну, бывает, конечно, и что-то более заманчивое. Например, пропавшая ценная вещь или украденные бумаги. Короче, нечто такое, чем милиция заниматься не будет, а на укоры потерпевшего предъявит статистику по нераскрытым серьезным преступлениям против личности.

И потерпевшему станет неловко. Действительно, в стране черт-те что творится, а я тут со своими микроскопическими проблемами...

В худшем случае пострадавший махнет рукой и постарается забыть о неприятностях, в лучшем – обратиться в частное сыскное бюро.

Бывают, конечно, и ситуации, для «разруливания» которых милицию беспокоить просто-таки не хочется. Потому что знаешь – себе дороже.

Это те случаи, когда пострадавший... Ну не то чтобы преступник или не в ладах с законом, но, скажем так, «чуть-чуть нарушил» и сам.

Например, N страстно хочет узнать, кто же из коллег стукнул на него в налоговую полицию. И тут частный сыск – именно то, что ему нужно.

Более серьезные случаи, когда частный детектив сам нарушает закон и занимается шантажом, промышленным шпионажем и прочими безобразиями, мы вообще не рассматриваем и даже считаем, что само словосочетание «частный детектив» сюда абсолютно не подходит.

...Итак, Михайленко предложил мне произвести самостоятельное расследование.

Разумеется, милиция вполне могла бы справиться с этим сама, не прибегая к моей скромной помощи. Но хитрый следователь прекрасно знал, как велика цена взгляда на ситуацию изнутри, да еще если человек умеет правильно смотреть и правильно видеть.

В том, что именно я была этим человеком, Михайленко не сомневался.

– Мы собрали кой-какую информацию, – говорил он мне, стоя возле наглухо закрытой балконной двери, – мы ее, разумеется, обработаем. Но...

Тут он поднял вверх палец.

– Но временной фактор, дорогая Евгения Максимовна, в данном случае требует куда более спешных действий. Дело в том, что «наверху» обсуждается возможность перепрофилировать «Отраду» в специальный пансионат, в котором могли бы отдыхать от забот насущных работники областной администрации. Вопрос должен быть решен в следующем месяце, понимаете, какая штука...

Ежу понятно, что район, в котором находился пансионат, был крайне заинтересован в подобной передаче своего имущества под крыло области.

Это значительно подымало статус района и обещало приток немалых средств, не говоря уже о личном интересе местных чиновников.

А тут, понимаешь, возникла такая незапланированная неприятность. И не просто ерунда какая-нибудь, а самое настоящее убийство!

Вдруг областное начальство передумает? Покривит носом какая-нибудь шишка и «прикроет перспективу». Останется лишь кусать локти и пить горькую, сожалея об упущенных возможностях.

Так что районные власти были крайне заинтересованы в скорейшем расследовании происшествия. Местному руко-

водству предстояло сгладить неприятный эффект от инцидента быстротой принятых мер – иначе Михайленко не перся бы сюда и не стал со мной беседовать.

А проявленная оперативность, в свою очередь, должна была убедить вышестоящее начальство в четкости и слаженности работы правоохранительных органов на местах и вселить в души больших людей уверенность в том, что тут умеют справляться с самыми сложными задачами.

И Михайленко понял, что за меня надо хвататься обеими руками.

Мне в этой игре предлагалась особая роль: ни у одной из сторон как бы не предполагалось никаких обязательств... и все же...

– Просто вы сумеете узнать больше, – внушал мне Михайленко. – Пока мы будем поднимать дела, наводить справки, вы успеете тут все разнюхать и составить свое мнение о том, что же здесь произошло.

– Разнюхать... – скривилась я. – Я что вам, сеттер какой-нибудь?

– А потом мы сопоставим факты с нашей стороны и анализ ситуации с вашей, – Михайленко не обращал внимания на мои ворчливые реплики. – И думаю, что это значительно упростит работу.

– Хорошо, – решила я. – Но вы тоже должны будете оказать мне услугу.

– Да, пожалуйста, – кивнул Михайленко. – Излагайте ва-

ши условия.

Этот человек привык торговаться. Работа следователя предполагает наличие такого ценного качества, и Михайленко обладал им в полной мере.

Я захотела того, что мне и так полагалось. Не по закону, но по здравому смыслу.

Если уж я занимаюсь таким бизнесом, как охрана и расследования, то хочу иметь в своем распоряжении несколько большую свободу, нежели человек, обладающий обыкновенной лицензией на такой род деятельности. Короче, я захотела «крышу».

– Ситуации возникают самые разные, вы должны хорошо это понимать, – объясняла я.

– Да, мне в принципе известно о затруднениях, с которыми сталкиваются люди вашей... э-э... специализации, – подтвердил Михайленко.

– Лицензия у меня есть, само собой, налоги я плачу, – заверила я собеседника. – Но я хочу иметь возможность нормально и продуктивно работать, а не находиться в такой ситуации, когда из-за несовершенства законов я не могу помочь людям, – а помощь эта подчас заключается в спасении их жизни. Пока я буду думать, не уклоняюсь ли я от буквы закона, все может решиться самым неприятным для моего клиента образом. Вот мне бы и хотелось немного расширить поле моих действий, получить больше свободы. В разумных, как вы сами прекрасно понимаете, пределах.

– Продолжайте, продолжайте, – кивал Михайленко, – я вас внимательно слушаю.

– Работать в такой обстановке, когда шаг вправо, шаг влево считается преступным превышением полномочий, я не могу, – заявила я непререкаемым тоном. – Разве нельзя пойти мне навстречу? Ведь, прошу это особо заметить, за все время моей деятельности на меня не было никаких нареканий. Я чиста перед органами, как ангел!

– Насчет этого я тоже в курсе, – снова и снова кивал Михайленко, едва двигая при этом головой.

– Более того, – продолжала я, – с моей стороны имел место ряд весьма ценных услуг. Помните, наверное, дело Рифмача? Или дело Штайнера?

– Да, разумеется, – подтвердил Михайленко. – Знаете что, я думаю, этот вопрос можно решить. Скажем, в случае успеха нашего с вами совместного предприятия можно было бы выйти прямо наверх с бумагой, где органами обосновывалось бы предоставление вам, Евгения Максимовна, некоторых расширенных полномочий.

– Этого мало, – заявила я. – Нужна еще «горячая линия».

– То есть?

– Понимаете, мне приходится бывать в разных местах, где случаются различные события. Иногда мои объяснения с милицией занимают чересчур много времени, – пояснила я. – Так вот, мне нужен телефон, позвонив по которому я могла бы урегулировать подобного рода проблемы за счи-

танные минуты. На другом конце провода должны очень хорошо знать – кто я и что из себя представляю. Вы можете предоставить мне такую возможность?

– Безусловно, – заверил меня Михайленко. – Я думаю, мы сработаемся.

– Итак, я приступаю к делу с этой минуты, – констатировала я. – Будем считать, что в вашем лице меня наняло государство.

– Н-ну, можно сказать и так, – улыбнулся Михайленко. – Считайте, что Российская Федерация находится теперь в числе ваших клиентов.

– Пока что я хочу от вас только одного, – продолжала я. – Сохраняйте полное статус-кво. Никакой информации в газетах и по телевидению.

– Разумеется, – согласился со мной Михайленко. – Убийца должен думать, что он в безопасности. Пусть все продолжают считать, что жертва скончалась в результате несчастного случая.

– И тогда никто не станет спешно уезжать, и я смогу повариться с постояльцами корпуса в одном котле. Кстати, какую официальную версию вы предложите обществу? Может быть, не несчастный случай, а что-нибудь более рядовое. Скажем, сердечный приступ?

– Да, пожалуй, это сойдет, – согласился Михайленко. – Такой банальностью, как инфаркт, сейчас никого не удивишь. Но будьте осторожны, Женя, убийца очень хитер и коварен.

Если он смог повернуть такой трюк, то, заподозрив опасность... Кто знает, что он придумает в следующий раз? А мне бы очень не хотелось, чтобы следующей жертвой оказались вы, госпожа Охотникова, поверьте!

* * *

Из широкого окна спальни мне было хорошо видно, как служебная машина с Михайленко уезжала с территории «Отрады», быстро пропадая из виду в перспективе центральной аллеи пансионата.

Я осталась одна в номере. Вечерняя прохлада уже понемногу подступала, и, закутавшись в шаль, я вышла на балкон покурить.

Высокий сосновый лес на горизонте в закатных лучах солнца казался слегка красноватым, как будто на каждое дерево вылили сверху ведро крови.

«Кровь на сосновых иглах, – усмехнулась я про себя. – Вот тебе и отдых, Евгения Максимовна, вот тебе и родные просторы».

Как там кричал этот мальчишка после ужина в первый день? «Пятница, тринадцатое! Мертвецы выходят из гробов! Сегодня ночь ужаса!»

Забавно, но впоследствии оказалось, что ребенок был совершенно прав...

Что ж, придется начинать работу. Для начала неплохо бы

восстановить картину тех двух с половиной дней, которые прошли со времени моего приезда в «Отраду» до утра понедельника.

Хм, вот ведь что интересно – когда я сейчас начинаю вспоминать события этих выходных, мне совершенно четко видно, что за это время произошло очень много странных вещей.

Ведь не случись в пансионате убийство, я бы не стала так внимательно присматриваться к незначительным вроде бы происшествиям...

Но теперь, так сказать, «задним числом», я видела все в новом свете. Смерть бросала свой кровавый отблеск на любые мелочи, многие из которых сейчас казались мне зловещими и исполненными тайного смысла.

Такой прием частенько используют в кино. Сначала идет обыкновенное действие, а потом происходит нечто из ряда вон выходящее. И режиссер снова прокручивает перед настороженным зрителем начало ленты, дабы он убедился в том, что событие, перевернувшее привычный ход вещей, исподволь готовилось с первых же кадров.

Потрясенный зритель давится леденцом и теперь – уже во второй раз – видит все в новом свете: в свете обратной перспективы.

Глава 4

Суббота, 14 сентября

Эту ночь я спала как убитая. Странно, почему в русском языке такое блаженное состояние отдыха сравнивается со смертью, да еще и с насильственной? Загадка русской души, право слово...

Впрочем, под утро, начиная часов с пяти, сквозь сон до меня то и дело доносились какие-то звуки снаружи – щебет птиц, шуршание сосновой хвои.

Я плавала в этих звуках, включая их в свой сон, не желая просыпаться вместе с пробуждающейся ни свет ни заря природой, как вдруг...

Меня словно подбросило на кровати – такой силы был этот женский крик.

В одном громком и протяжном звуке слились боль и ненависть, ужас и отчаяние. Так можно кричать, лишь глядя в глаза смерти...

Я второпях набросила легкий халатик, на ощупь сунула ноги в шлепанцы и выбежала из своего номера. Судя по хлопающим на всех этажах дверям, был потревожен не только мой утренний сон.

– Что случилось? – высунулось из-за двери заспанное лицо Артема.

– Еще не знаю, сейчас посмотрю... – быстро проговорила

я, сбегая вниз по лестнице.

Вслед за мной стал медленно спускаться майор Голубец в синей полосатой пижаме. Он тяжело шагал со ступеньки на ступеньку, то и дело останавливаясь и вытирая пот – очевидно, раздавшийся крик вклинился в какой-нибудь дурной сон отставного военного. А может, и сердечко у Голубца временами пошаливало...

Судя по высыпавшим в холл обитателям второго этажа, которые в недоумении переглядывались, источник звука располагался этажом ниже.

Чета Волковых, до смерти перепуганная, жалась возле двери своего номера. Бритоголовый Сема, казалось бы, должен был привыкнуть ко всякого рода крикам и воплям – наверняка ему приходилось отжимать деньги с непокорных должников и, кто знает, может быть, и применять к ним соответствующие меры устрашения. Растрепанная Милена выглядела из-за квадратных плеч мужа, и ее бледные тонкие губы заметно подрагивали.

Что касается Капустиных, то Максим и Дора отнюдь не были напуганы. Капустин скорее был заинтригован случившимся и уже намеревался спуститься вниз. А Вячик... Вячик, наверное, продолжал мирно спать – ребенок проводил дни в таком бешеном ритме, что его вряд ли смог бы разбудить и пушечный выстрел.

Когда я наконец добралась до первого этажа, то увидела беспомощно раскинувшуюся на кожаном диване холла ко-

мендантшу корпуса.

Старушка с трудом дышала, испуская хрипы, а стоявший рядом профессор обмахивал ее иллюстрированным дамским журналом. Увидев меня, он облегченно вздохнул и указал на сидящую женщину:

– Вот... я проснулся от крика, постучал в ее комнату. Она сидела на кровати с расширенными глазами, как будто увидела призрак.

Профессор раздраженно пожал плечами – мол, возраст, конечно, что тут скажешь. И все-таки мы же приехали сюда отдыхать...

– С вами все в порядке? – нагнулась я над старушкой. – Может быть, «Скорую»?

– Нет-нет, – едва слышно проговорила комендантша. – не беспокойтесь, ради бога, мне уже лучше. Просто... очень душно...

– Это сердце? – склонилась над комендантшей с другой стороны невесть откуда появившаяся Меньшикова. – Принести вам валидола?

Но старушка отрицательно замахала руками. Она уже окончательно пришла в себя и была явно смущена тем обстоятельством, что из-за нее произошло столько беспокойства для постояльцев.

– Я пойду к себе, – твердо сказала она. – Проводите меня до кровати, а больше ничего не надо. Я посижу еще немного, и все пройдет.

Все восприняли такой вариант с облегчением, особенно профессор. Он тут же скрылся в своей комнате, оставив комендантшу на мое попечение.

Я взяла старушку под руку, и мы прошли в ее каморку. Комендантша осторожно опустилась в кресло напротив окна и виновато улыбнулась.

– Ох, я ведь даже не попросила прощения, – проговорила она. – Как неловко...

В ответ я только развела руками – с кем, мол, не бывает, ничего страшного...

– Дурной сон, – продолжала оправдываться старушка. – Слишком дурной, чтобы быть просто сном... Впрочем, это все пустое...

– Ну и славно, – согласилась я. – Постарайтесь снова заснуть и хорошенько выспаться. А с утра сходите в лес на прогулку.

Старушка закивала, но продолжала сидеть в кресле, с отчаянием глядя в окно.

Я тихонько прикрыла за собой дверь и вернулась в коридор. Меньшиковой там уже не было, а дверь номера профессора была закрыта.

«Интересно, а откуда взялась на первом этаже Меньшикова?» – машинально подумала я.

Я была уверена, что моя соседка – наши номера располагались дверь в дверь – не могла спуститься сюда раньше меня.

А когда я уже находилась на первом этаже, лестница была у меня перед глазами, и Антонина Платоновна не могла по ней спуститься так, чтобы я ее не заметила. Выходит, она уже находилась здесь, когда мы с профессором хлопотали возле комендантши.

Но в холле ее тоже не было, я могла бы дать голову на отсечение. Значит, она находилась в одном из двух номеров – в комнате старушки или в комнате профессора, ведь доступа в остальные помещения в ночное время не было – отсек запирался.

На лестнице я встретила с Капустиным и поведала ему о том, что произошло.

– Оказывается, нашу Олю по ночам мучают кошмары! – улыбнулся Максим.

– Олю?

– Ну да, – пояснил он, – так все зовут комендантшу. Просто Оля. Интересно, а старушка не говорила, что именно ей привиделось?

– Вы спрашиваете просто так? – удивилась я его веселой улыбке.

– Конечно, – так же беззаботно ответил Максим. – Просто любопытно знать, какие нынче в моде фобии и кошмары у наших дорогих сограждан – исключительно для общего развития.

Капустин пожелал мне спокойной ночи и вернулся к себе в номер.

А майор Голубец так и не рискнул спуститься вниз. Осторожный военный благоразумно остался стоять на площадке, не дойдя даже до второго этажа, – наверное, поджидал моего возвращения.

– Что там стряслось? – неуверенно спросил он. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Если не считать серьезным возрастной фактор, то действительно ничего не стряслось, – ответила я. – Просто нашей комендантше приснился дурной сон. Она очень извиняется за беспокойство...

Услышав приемлемое объяснение события, которое прервало его отдых, майор Голубец тотчас же успокоился, повеселел и поднялся в свой номер в обычном режиме – без криканий и остановок.

Весь остаток сна мне мерещились падающие деревья и летящие с неба камни – наподобие града. Только это были не льдинки, а самые настоящие увесистые булыжники. И все постояльцы моего корпуса бежали по открытой местности, прикрыв голову руками.

Я твердо знала, что камень упадет на кого-то из нас, но кому проломит голову метеорит, так и осталось для меня в то утро загадкой – я проснулась, так и не узнав, кто стал жертвой камнепада.

После утренней пробежки и купания в озере, – там я встретила Максима Капустина с сыном, которые катались на лодочке, – я вернулась в номер и постучала в дверь к Пого-

дину, чтобы узнать, во сколько обычно подают завтрак. Но мне никто не открыл.

Странно, ведь, поднимаясь по лестнице, я отчетливо слышала в номере его голос, а пока я была у себя – буквально пять минут переодевалась после прогулки, – по лестнице вниз никто не спускался.

Я-то думала, что приехала его жена, которую он вчера с таким нетерпением ожидал, но за завтраком стул возле нашего столика по-прежнему оставался пустым. Хм, с кем же он тогда разговаривал? И почему не открыл? Впрочем, какое мне до этого дело?..

Утром все собрались в столовой. Комендантша Оля сочла своим долгом выйти к отдыхающим и присоединиться к общей трапезе – ее столик стоял сбоку возле раздаточной, там, где питались работники пансионата.

– Оля-то наша оклемалась, – кивнул в ее сторону Максим, обращаясь к нам из-за соседнего столика. – Наверное, профессор ее утешил. Как вы думаете, Антонина Платоновна?

Меньшикова улыбнулась уголками губ и едва пожала плечами – похоже, эта шутка показалась ей не очень пристойной. Или вопрос Капустина таил в себе двойной смысл? Может быть, он тоже знал, что Меньшикова провела эту ночь вместе с профессором?

– Утешение? – медленно проговорила она. – Может быть, это то, чего нам так не хватает в жизни. Как вы думаете, Дора?

Дора никак не думала. Вопрос Меньшиковой застал ее врасплох, и, пока она размышляла, требует ли он серьезного ответа, нить беседы перехватил Сема Волков. Шумный постоялец, как обычно, стал зудеть на свою излюбленную тему. Широко размахивая вилкой с насаженным на зубчики кружочком салями, Волков вещал:

– И ночью тут одно беспокойство, и днем. Вот вчера, скажем, взяли лодочку прокатиться. На час, как полагается. И чуток задержались. Так на станции говорят, что возьмут как за два часа. А у нас – полтора без пяти минут. Ну?! Разве это сервис?

– У них просто нет секундомера, – спокойно заметил Капустин.

– Секундомера? – не понял иронии Волков. – Зачем им секундомер?

– Да так, – пожал плечами Максим. – Для точности. Слушайте, коллега, а чего это вас сюда понесло, если тут все так погано?

– Погано? – переспросил Волков. – Я не говорю, что погано, просто...

– Здесь очень тихо и спокойно, – вклинилась в разговор его жена. – Мы тут очень хорошо отдыхаем. Тут намного лучше, чем в городе...

Поскольку на слова Милены никто не прореагировал, она решила немного заострить тему.

– Хотя вот в Германии...

Волков поперхнулся и, отложив вилку в сторону, с неудовольствием посмотрел на жену.

– В Германии все было по-другому, – твердо сказала Милена, выдержав взгляд супруга.

– Вы отдыхали в Германии? – осведомилась Дора. – Там действительно чудесно...

– Да-да, в прошлом году, – быстро заговорила Милена. – В Дрездене. Там такие замечательные гостиницы, такие чистые озера...

Она полезла в сумочку и, достав оттуда фотографии, протянула их Капустину.

Тот с интересом просмотрел снимки и, поблагодарив, вернул их Милене.

– Это вид отеля с улицы, – пояснила Волкова, – а на другой – номер, в котором мы останавливались. Очень изысканно, правда?

– О да! – с грустью кивнул Максим. – Хотелось бы там побывать...

– Подкопим денежек и съездим, милый, – дотронулась до его локтя Дора. – Тебе вроде обещали повисить оклад, правда?

– Обещать-то обещали, – неуверенно проронил Максим. – Кто их знает...

Славик все это время молчал, так как его рот был занят ванильным пудингом. Но, едва десерт был уничтожен, мальчик соскочил со стула и, увидев кошку, которая нежилась на

солнышке в коридоре, стремглав подскочил к животному и стал дергать ее за хвост.

Не привыкшая к такому фривольному отношению, Мурка дико взвыла и пустилась улепетывать вдоль по коридору. Бедняжка ожидала, наверное, что ей почешут шейку или ласково погладят, а тут такое безобразие! Славик, довольный произведенным эффектом, с воинственными криками стал преследовать кошку и загнал ее в угол.

Мурка, прижавшись к ребристой батарее, выгнула спину и принялась злобно шипеть, обнажив мелкие зубы. Славик бухнулся на четвереньки и, имитируя ее движения, тоже оскалил пасть, рискуя получить лапой по носу. При этом он рычал, зверски выпучив глаза.

Дверь в коридоре приоткрылась, и оттуда выглянул профессор. С невыразимой тоской посмотрев на беснующегося Славика, он отыскал взглядом за столом Капустиных и попытался безмолвно, одним своим видом привлечь внимание к поведению их сына.

Безрезультатно. И Максим и Дора внимательно слушали рассказ Милены о германском уровне сервиса, и до сына им не было никакого дела.

Я заметила, что Капустины позволяют своему чаду делать все, что он захочет, и практически не ругают его, что бы он ни творил.

Скажем прямо – довольно редкая воспитательная метода, но и она имеет некоторое право на существование. Правда,

от нее страдают окружающие, но педагогический принцип есть педагогический принцип...

Поняв, что помощи от Капустиных он не дожидается, профессор окликнул комендантшу:

– Оленька! Распорядитесь, чтобы у меня убрали посуду и принесли какао!

– Иду-иду, Алексей Данилыч! – засуетилась старушка. – Валя, обслужи!

Толстая раздатчица поспешила с тележкой к номеру профессора.

– Как трогательно! – заметил Артем Погодин. – Прямо сердце сжимается...

– Трогательно? – переспросила я. – Что вы имеете в виду?

– Вы обратили внимание, как наш старикан позвал комендантшу? «Оленька»! – с улыбкой проговорил Артем. – Когда очень пожилые люди называют друг друга по именам, они как бы снова обретают молодость.

– Вы полагаете?

– Конечно! – подтвердил Погодин. – Именно такая форма обращения характерна для детей и стариков. А стоит человеку чуть-чуть повзрослеть, и ему сразу же хочется перейти со всем миром на «вы» да еще по имени-отчеству – вроде как значительности прибавляет. Зато потом, когда годы берут свое и гонор заметно поубавится, снова идут в ход уменьшительные имена. И хочется называть вот это милое сморщенное яблочко Оленькой.

Я не разделяла умиления Артема. Тем более что форма уменьшительного обращения в данном случае прозвучала только с одной стороны.

И потом, тут был еще один момент, которого Погодин не уловил. Профессор Алексей Данилович обращался к комендантше не просто как постоялец к обслуге. В его голосе явственно звучали нотки человека, который умел, любил и привык приказывать.

На голос профессора, в отличие от Капустиных, обернулась Милена Волкова, прервав свой увлекательный рассказ о прелестях объединенной Германии. Она скользнула по нему взглядом, потом снова повернула голову, внимательно вгляделась в обрамленное благородными сединами лицо и тихонько ахнула.

– Сема... – едва слышно прошептала она, толкая мужа локтем в бок.

– Чего?

– Это же Шмаков, – проговорила Милена, вытягивая свой пухлый подбородок по направлению к уже закрывшейся двери.

– Какой еще Шмаков?

– После расскажу, – дрогнувшим голосом пообещала Милена.

– Старичок оказался вашим знакомым? – поинтересовался Максим Капустин.

Милена молча кивнула и углубилась в вымачивание «су-

воровского» печенья в ван-гуттеновском какао. Кажется, ей было не очень приятно, что она обронила эту фразу при посторонних.

– Мир тесен, – тихо произнесла Дора. – Может быть, даже слишком.

Это глубокомысленное замечание было тотчас же подтверждено вновь прибывшим постояльцем. Правда, весьма своеобразным способом.

Входная дверь корпуса громко хлопнула – как будто раздался пистолетный выстрел, – и все сидевшие в столовой вздрогнули.

Обычно дверь аккуратно придерживали, зная за ней такое свойство, но новый гость, очевидно, был не в состоянии справиться с пружиной. Наверное, у него были заняты руки. Ну да, ведь следом раздался звук бухнувших на мраморный пол чемоданов.

– А вот и я! – Штора, скрывавшая вход, откинулась, и на пороге возникла молоденькая симпатичная девушка лет двадцати пяти.

– Вера! – обрадованно выдохнул сидевший рядом со мной Артем. – Ну, наконец-то! А я ждал тебя только к обеду! Какой приятный сюрприз!

– Всем привет! – помахала рукой Вера и быстро оглядела зал.

Ее лицо вдруг резко изменилось, с него мигом исчезла доброжелательная улыбка, а рот в ужасе приоткрылся. Вера

поднесла дрожащую руку ко лбу, как будто хотела смахнуть с него невидимую прядь.

Удивленный Артем уже вставал из-за стола, чтобы подойти к жене, но Вера взяла себя в руки и, снова изобразив на лице улыбку, – вернее, ее жалкое подобие, – попыталась сделать несколько шагов.

– Тут так душно... – извиняющимся тоном проговорила она. Затем пошатнулась и стала медленно оседать на пол, уцепившись рукой за скатерть на журнальном столике перед телевизором.

Артем Погодин не успел подхватить ее в падении, и Вера распростерлась перед всей честной компанией на мраморном полу столовой, сдернув скатерть и свалив на себя ворох старых газет.

К Артему бросился майор. Он помог Погодину переложить Веру на диван, стоявший у соседней стены, и вместе со взволнованной комендантшей сбегал за нашатырем в ее комнатку, где находилась аптечка.

Все сидевшие за соседним столиком остались на своих местах. Сема Волков удивленно качал головой – ну, мол, бабы какие развелись чувствительные! Его жена сочувственно вздыхала. А вот Капустин почему-то улыбался и смотрел на Дору, которая задумчиво разглядывала суету остальных постояльцев возле Веры.

Наконец Погодина пришла в себя. Дернув головой после того, как к ее носу дважды поднесли флакон с нашатырем,

Вера с трудом открыла глаза.

Артем помог ей приподняться, и Вера, опомнившись, одернула задравшееся платье.

– Так неудобно, – быстро говорила она, обращаясь к присутствующим. – Приехала – и сразу в обморок. Подумаете обо мне бог весть что.

Вера почему-то решила, что ей нужно немедленно оправдаться перед отдыхающими.

– Просто меня укачало, – торопливо продолжала она. – Я по гороскопу Рыба, с моим знаком это бывает... И потом, ведь я не поехала на такси, а решила добраться автобусом. В салоне было так душно... У меня в глазах все время плясали цифры... Ведь я закончила отчет только вчера за полночь... Когда я открывала дверь корпуса, у меня уже кружилась голова. И вот...

Присутствующие молчали, вяло заканчивая свой завтрак. Только Меньшикова сочла нужным поддержать супругу Артема Погодина:

– Наверняка сегодня какая-нибудь сильная магнитная буря, – предположила она.

– Скорее всего, – оживилась Вера. – По телевизору говорили, что Плутон неблагоприятно влияет на мое созвездие... А потом я вошла, и тут... ваш рубин!

– Мой рубин? – удивилась Антонина Платоновна и посмотрела на свою руку.

– Да-да, – затараторила Вера. – Он так сверкнул в солнеч-

ном лучше, что у меня в глазах запрыгали какие-то точки, и я...

– По-моему, тебе нужно полежать, – резко оборвал ее Артем. – Давай я помогу тебе добраться до номера.

– Но там вещи... – робко напомнила ему Вера. – Два чемодана в коридоре...

– Я спущусь за ними попозже, – заверил ее Артем. – Ну, вставай же, пойдем.

И они медленно направились вверх по лестнице. Артем придерживал Веру за талию и вел ее под руку. Напоследок, перед тем, как исчезнуть за мраморной колонной на повороте, Вера еще раз посмотрела на сидящих в столовой и, улыбнувшись, пожала плечами.

Через несколько минут Артем спустился за чемоданами и молча отволок поклажу наверх. Вскоре он снова спустился и, о чем-то переговорив с комендантшей, вернулся к столику и объявил:

– Придется Вере походить на массаж. Я попросил Оленьку, чтобы она поговорила с доктором. Знаете, эта бухгалтерская работа так утомляет. И потом, жена так верит во всякие гороскопы...

– Ваша супруга – бухгалтер? – поинтересовалась Меньшикова.

– Да-да, в центральном ювелирном магазине на Московской, – проговорил Артем. – Скажите, а правду говорят, что у них здесь неплохой специалист по массажу и что раньше

он работал в правительственной санатории, расположенной на главной даче в ущелье?

– Да-да, растирают, массируют, все как положено у людей, – сухо подтвердил майор, пожирая влюбленным взглядом Меньшикову. – Вы ведь тоже бываете на лечебных процедурах, Антонина Платоновна?

– Процедурах... – недовольно отозвалась та. – Это звучит как-то уж слишком по-стариковски. А на массаж я действительно хожу. Да вы это прекрасно знаете, майор, обычно я вижу вас возле лечебного корпуса на лавочке с журналом. Вам не надоедает все время читать один и тот же номер «Нового мира»?

И она чуть повернула голову к Голубцу, подарив ему одну из тех улыбок, после которых мужчина окончательно теряет дар речи.

* * *

Промежуток между завтраком и обедом все отдыхающие используют по-своему: кто валяется у себя в номере, кто бродит по лесу, пробираясь к «своим» грибным местам, которые держатся от коллег по отдыху в строжайшем секрете. Самой большой популярностью пользуются библиотека, расположенная в нашем корпусе, и кабинет лечебных процедур. Так что обычно образуются две очереди – у отдельного входа читальни с торца первого корпуса и к физиотерапевтам в

корпус с круглой крышей.

Вера Погодина с помощью небольшой mzды смогла миновать томительное ожидание и была определена на ежедневный получасовой массаж с последующими процедурами аутотренинга. Она, кстати, нашла с медиками общий язык – те тоже были повернуты на астрологии. Мне об этом доложил майор, который действительно подкарауливал Меньшикову возле корпуса.

Я встретила его во время прогулки по периметру пансионата. Дорожка была усыпана красным вдавленным в грунт щебнем и снабжена клумбами по правую и левую стороны – получалось, что идешь словно по цветнику.

– Похоже, у вас появился конкурент, – кивнула я Голубцу на смазливового бесшабашного пьянчужку, который театрально ахнул, когда Антонина Платоновна появилась в дверях лечебного корпуса.

– Вот гад, – процедил сквозь зубы майор. – Не переносу эту породу.

Пьянчужка действительно был довольно своеобразен – очевидно, из полувывмершей гильдии итээровских работников, раз и навсегда усвоившей повадки и приемы разгульной студенческой юности.

Так, увидев красивую женщину, человек подобного склада не мог не оказать ей соответствующих знаков внимания. Соперник грустного майора, недолго думая, наклонился к клумбе, сорвал самую большую красную розу и, пошатывая-

ясь, приблизился к Меньшиковой.

– Этот цветок прекрасен, но вы еще прекраснее, – заплетаящимся языком проговорил он.

– Пить с утра вредно, – улыбнулась ему Антонина, отстраняя руку с цветком.

Расстроенный отдыхающий зашвырнул розу в кусты – и очень своевременно, так как на горизонте показался спешащий по делам завхоз пансионата. Если бы он увидел такое отношение к вверенному его заботам цветнику, то немедленно поднял бы скандал и незадачливого рыцаря как минимум бы оштрафовали.

– Меня зовут Егор, – крикнул пьянчужка вслед удаляющейся Антонине. – Пятый корпус, шестнадцатый номер. Вы оставите мне хотя бы малюсенькую надежду еще раз увидеть вас, мадам?

– Мадемуазель, – машинально поправила его Меньшикова. – Постарайтесь для начала протрезветь, а то у вас будет двоиться в глазах, и вы совсем одуреете от счастья. И закусывайте, закусывайте...

Бросив через плечо это шутивное напутствие, Меньшикова подошла к Голубцу и, улыбнувшись майору, кокетливо поинтересовалась:

– Решили сменить периодику? Проводите меня до корпуса, если нам по пути.

Обрадованный майор немедленно предложил даме руку, и парочка неспешно отправилась по усыпанной зеленым гра-

вием дорожке, которая пересекала территорию пансионата по диагонали.

– А вы, мадам, нынче тоже без партнера? – поинтересовался у меня Егор, глядя, как ускользает от него добыча. – И чего это женщины так любят военных, а? Не просветите меня на этот счет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.